

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.1>.

EDN: NXBRYA

В.А. ГУТОРОВ^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9;

² Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭЛИТ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. Исследование феномена политических элит в политической теории имеет множество измерений. В своем современном виде концептуальные основания интерпретации элит сформулированы более столетия назад в трудах В. Парето, Г. Моска и Р. Михельса, проникнутых беспрецедентным реализмом и стремлением применить научные методы к изучению политики. Аналитика элит, эволюционировавшая на протяжении столетий под воздействием самых различных детерминирующих факторов, тем не менее всегда сохраняла связь с классическими парадигмами, восходящими к политической философии раннего модерна, которая, в свою очередь, была тесно связана с традицией античной политической философии — от Пифагора и ранних софистов до Платона и Аристотеля. В этом плане практически все новейшие интерпретации

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (рег. номер ЕГИСУ НИОКТР 124082300044-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

так или иначе включают в себя, спонтанно или целенаправленно, некий «традиционалистский» элемент. Исходной предпосылкой является очевидная констатация, согласно которой все общества управляются элитами и каждое общество имеет определенные средства создания своих элит. Анализ последних предполагает необходимость установления четких различий между обществами, обладающими механизмами создания элит, и обществами, которые не создают институциональных условий для их формирования. В современной политической науке анализ проблем, связанных с политическим статусом и амбициями элит довольно часто осуществляется в рамках дихотомии «теория элиты vs теория демократии». Вместе с тем демократическая теория и теория элит в их современном состоянии по определению не могут рассматриваться как сугубо научные, или «дескриптивные», поскольку на любом из этапов их эволюции они органически включали в себя ряд элементов, характерных для нормативной политической теории. Многие ученые открыто признают, что концепция элиты чревата проблемами, а непредсказуемая природа выбора элиты может стать преградой для теоретического прогресса (Д. Хигли, М. Бертон и др.). Такие выводы в определенном смысле коррелируют с некоторыми постулатами «позитивной политической теории», которая весьма активно развивается в западной политической мысли с начала XXI в. «Статистика споров» внутри позитивной политической теории свидетельствует о том, что в последние годы одной из ее наиболее чувствительных «болевых точек» становится «гипотеза демократического мира». Главный постулат, лежащий в основе этой гипотезы, состоит в том, что либеральные демократии редко или никогда не воевали друг с другом: войны происходили и могут происходить только между автократиями или между демократиями и автократиями. Многие противоречия и теоретические сомнения в отношении гипотезы демократического мира вызваны, по большей части, острой дискуссией, развернувшейся вокруг работ американского политолога Дж.Л. Снайдера, в которых данная гипотеза была подвергнута бескомпромиссной критике. Основной довод Снайдера заключается в том, что традиционные автократические элиты, столкнувшись с ситуацией, когда распространение демократии начинает угрожать их власти, создают «эксклюзионистские» этнические националистические режимы. Защищая собственные интересы, они вполне «рациональным» образом провоцируют националистические конфликты. Аналитика Снайдера в специфическом плане соприкасается и с так называемой минималистской концепцией демократии. Ее возникновение во многом связано с гипотезой, обоснованной в середине

XX в. Кеннетом Эрроу. На уровне нормативной политической теории попытка преодоления обозначенных выше философских проблем и моральных дилемм довольно рельефно представлена в работах Патрика Денина — одного из наиболее ярких представителей современного американского консерватизма. Исходным моментом инициированной им дискуссии являются все те же опасения относительно нарастания «нео-олигархических тенденций» в современных западных демократиях. В «проекте» самого Денина, намеченном исключительно в общих чертах, элементы классической политико-философской концепции «смешанной конституции» причудливо соединяются с футурологическими прогнозами, отмеченными стремлением к «консервативному синтезу».

Ключевые слова: элиты, политическая теория, демократия, олигархия, автократия, либерализм, консерватизм, национализм, этнические конфликты.

Для цитирования: Гуторов В.А. О некоторых актуальных проблемах интерпретации элит в современной политической теории // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 7–34. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.1>. EDN: NXBRYA.

Анализ феномена политических элит в политической теории имеет множество измерений. В своем современном виде концептуальные основания интерпретации элит были сформулированы более столетия назад. «Элитизм, — отмечает Джордж Вольпе в работе “Итальянский элитизм и переформатирование демократии в Соединенных Штатах”, — основывается на предположении, что в каждом обществе меньшинство людей владеет наибольшим количеством существующих ресурсов и, следовательно, властью в ее различных формах, в силу чего оно доминирует над остальным населением. Из этого предположения следует, что все типы правления являются олигархиями и что политические идеологии представляют собой изменяющиеся рациональные обоснования конкретных властных отношений, которые всегда характеризовали жизнь всех обществ. Подобные принципы были сформулированы в серии работ, опубликованных в период с 1884 по 1916 гг., а затем уточнены и расширены после прихода фашизма к власти. К ним относятся “Sulla Teorica dei Governamenti e sul Governmento Parlamentare” (1884) и “Elementi di Scienza Politica” (1896 и 1923)

Гаэтано Моска; “Les systèmes Socialistes” (1902–1903) и “Trattato generale di sociologia” (1916 и 1923) Вильфредо Парето; “Zur Soziologie des Parteiwesens in der Modernen Demokratie” (1911 и 1925) и “Corso di Sociologia politica” (1927) Роберта Михельса. Хотя теоретики элиты обсуждали темы, которые всегда были предметом дискуссий о человечестве и обществе, их анализ был проникнут беспрецедентным реализмом и стремлением применить научные методы к изучению политики. Именно это позволило им привлечь внимание научного сообщества. Целью исследования элитизма было не установление наилучшей возможной формы правления или понимание того, как достичь идеального общества, а эмпирическое выявление конкретных основ человеческих отношений, а также ключевой социально-политической динамики. Элитизм, пишет Боббио, “не был выведен из априорных принципов, а был получен исключительно из беспристрастного и безжалостного наблюдения за фактами”. В этом заключалась сила его аргументов и язвительность его критики» [31, р. 10].

Как справедливо отмечает Джон Хигли в новейшем исследовании «Западные элиты и общества в политике XXI века», «подобно возникновению марксистской теории среди революционных потрясений XIX века, теория элит возникла в начале XX века перед лицом надвигающихся кризисов, угрожавших европейским политическим порядкам. Как и марксистская теория, теория элит содержала рецепты создания хорошего общества, в котором эффективные элиты обеспечивали бы индивидуальное достоинство, массовое благосостояние и политическую стабильность. Однако, в отличие от марксистской теории, теория элит избегала экономического детерминизма и любого видения финального пункта, знаменующего счастливый конец в человеческих делах. Уходя корнями в сравнительный исторический анализ, она обрисовывала неизбежность иерархической организации с сопутствующей концентрацией власти. Политические изменения определялись в плане их значительной зависимости от выбора, сделанного эгоистичными элитами. Тем самым идеалы всегда умерялись этими реалиями» [17, р. 21].

Обозначенные выше суждения лишней раз подтверждают тот бесспорный факт, что аналитика элит, эволюционировавшая на протяжении столетий под воздействием самых различных детер-

минирующих факторов, тем не менее всегда сохраняла связь с классическими парадигмами, восходящими к политической философии раннего модерна, которая, в свою очередь, была тесно связана с традицией античной политической философии — от Пифагора и ранних софистов до Платона и Аристотеля. В этом плане практически все новейшие интерпретации так или иначе включают в себя, спонтанно или целенаправленно, некий «традиционалистский» элемент, а их создатели довольно часто оказываются вынужденными отвечать на уже, казалось бы, давно решенные вопросы (см., например: [32, р. 50]). Разумеется, в современных концепциях элит существуют и такие «вечные вопросы», которые ученые всегда должны были учитывать независимо от обусловленных временем контекстов и трансформаций. К их числу относится, например, известный еще со времен В. Парето вопрос, с которого Эзра Н. Сулейман (Принстонский университет) начинает свое раннее исследование «Элиты во французском обществе: политика выживания»: «Почему некоторые элиты выживают, а другие умирают? Это вопрос, к которому обращались историки и социальные теоретики, пытаясь объяснить серьезные конфликты, которые терзают определенные общества. Конечно, общеизвестно, что некоторые общества более склонны к конфликтам и нестабильности, чем другие. Но даже внутри таких обществ часто под слишком очевидной турбулентностью скрывается значительная стабильность определенных групп и институтов... Важный вопрос, который необходимо задать, заключается в том, почему политические изменения, будь то постепенные и мирные или внезапные и насильственные, влияют на определенные институты больше, чем на другие. Другими словами, изменения необходимо рассматривать как включающие в себя два взаимодействующих компонента: изменения, происходящие в обществе в целом, и изменения, происходящие в различных институтах в ответ на трансформацию общества. Способность конкретных институтов выживать будет во многом зависеть от их способности меняться и адаптироваться» [28, р. 3].

Исходной предпосылкой для ответа на данный вопрос является очевидная констатация, согласно которой все общества управляются элитами и каждое общество имеет определенные средства создания своих элит. Анализ последних предполагает необходимость уста-

новления четких различий между обществами, обладающими механизмами создания элит, и обществами, которые не создают институциональных условий для их формирования. Отличительной чертой обозначенных выше механизмов является более или менее институционализированный процесс группирования элит в ряд «небольших кругов», а также хорошо отрегулированная система «сетей», обеспечивающих взаимодействия между этими кругами. Более того, занимаемые элитами позиции или посты наделены, по большей части, значительным престижем и даже определенной степенью харизмы. «Франция, — отмечает Э. Сулейман, — имеет один из наиболее четко установленных механизмов создания своих элит среди всех западных обществ. Это обусловлено в первую очередь тем, что государство берет на себя формирование национальных элит. Именно поэтому государство разработало систему, которая является сложной и изощренной, связывая профессиональную подготовку элит с их корпоративными организационными структурами. Для того чтобы объяснить элитарную структуру Франции, мы должны начать с понимания организации образовательной системы, которая создает элиты» [28, р. 4, 17].

Выводы Сулеймана лишь частично коррелируют с тезисом Хигли. Согласно последнему, в современной политической науке анализ проблем, связанных с политическим статусом и амбициями элит осуществляется в рамках дихотомии «теория элиты versus теория демократии». «В академической и популярной мысли, — отмечает Хигли, — теория элиты обычно воспринимается с опаской. Это происходит в основном потому, что многие считают ее неприятной. Хотя исследования эмпирических аспектов элит обширны, большая их часть связана с демократической теорией и степенью, в которой элиты отходят от ее предписаний. В отличие от демократической теории, теория элиты повествует о том, что делают или не делают особые группы людей в политическом мире. Она не ограничивается базовой предпосылкой монархий и аристократий, согласно которой определенные люди должны править и контролировать действия других людей. Вместо этого теория элиты имеет дело со следующим практическим вопросом: в какой степени происходящие в политике события в значительной степени определяются лицами, занимающими

руководящие должности во влиятельных организациях и движениях, что позволяет им оказывать решающее влияние на политические результаты. Эти люди, возможно, не лучше остальных, но теория элиты предполагает, что именно их поведение, а не поведение людей в целом во многом определяет то, что происходит в политике» [17, р. 22].

Следует прежде всего отметить, что Дж. Хигли довольно искусно и вполне целенаправленно стремится не акцентировать внимание на том, что демократическая теория и теория элит в их современном состоянии по определению не могут рассматриваться как сугубо научные, или «дескриптивные», поскольку на любом из этапов их эволюции они органически включали в себя ряд элементов, характерных для нормативной политической теории. На наш взгляд, одна из наиболее существенных причин подобной «фигуры умолчания» заключается в том, что в последнее десятилетие в западной политической науке наметилась совершенно определенная тенденция к исследованию процессов демократизации в различных регионах мира с преимущественной акцентировкой на поведении элит. Об этом свидетельствуют и многие работы самого Хигли (см., например: [11; 14; 15; 16; 18; 20; 21; 22; 25; 30], а также: [3]).

В своей работе «Демократический горизонт: гиперплюрализм и обновление политического либерализма» Алессандро Феррара, специально подчеркивая, что еще несколько десятилетий назад демократия стала «режимом без антагонистов», т.е. неоспоримым горизонтом, разделяемым всеми развитыми обществами западного мира, вместе с тем утверждал: «Парадоксально, но, как мы увидим, эта трансформация происходит в то время, когда социальные, исторические и культурные условия, в которых функционируют давно устоявшиеся демократические государства, становятся все более «негостеприимными», и когда для многих народов мира демократия превратилась в стремление, от которого невозможно отказаться» [9, р. 1–2]. Комментируя выводы итальянского философа, участники дискуссии в журнале “Political Studies Review” также отмечали, что новые неотложные проблемы коренятся в парадоксально сложном положении демократии в XXI в. С одной стороны, за несколько десятилетий демократия пустила корни в регионах, где раньше у нее никогда не было прочной опоры (Центральная и Восточная Европа,

Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Южная Африка), и стала горизонтом примерно для половины человечества — тех, кто живет в 90 современных государствах. Для них демократия уже не просто одна из форм правления, а «квинтэссенция законности» — «успех, который бросает вызов политической теории, требующей отделить “настоящие демократии” от “выборных олигархий”. С другой стороны, в исторический момент, когда демократия становится “горизонтом”, нео-олигархические тенденции поднимают голову в обществах, которые уже являются демократическими, а популистские настроения выходят на первый план» [10, р. 2] (ср.: [1, 2, 8]).

В статье «Элитная переменная в демократических транзитах и распадах» Д. Хигли и М. Бертон, характеризуя научный уровень аналитики кризисных тенденций в эволюции демократических режимов, признают, что надежной теоретической основы для оценки перспектив их выживания просто не существует. Перспективным признается «многообещающий сдвиг в причинно-следственной направленности от социальных структур к политическим факторам», одним из которых является поведение влиятельных элит. «Некоторые ученые теперь предполагают, что демократические переходы и крахи в конечном итоге являются продуктами исторически обусловленного выбора элиты. Хотя этот сдвиг в причинно-следственной направленности является шагом вперед, он может привести в тупик, если не будет существенно проработан. Концепция элиты чревата проблемами, а непредсказуемая природа выбора элиты может стать преградой для теоретического прогресса. Мы предлагаем выход из этих и связанных с ними трудностей. Короче, мы утверждаем, что демократические переходы и провалы можно лучше всего понять, изучая основные линии преемственности и изменения во внутренних отношениях национальных элит. Разобшенная национальная элита, которая является наиболее распространенным типом, порождает ряд нестабильных режимов, имеющих тенденцию колебаться между авторитарными и демократическими формами в течение различных промежутков времени. Если только трансформации элиты не предшествуют или не сопровождают изменения режимов — от разобщенности к консенсусному единству в случаях демократических переходов или от консенсусного единства к разобщенности в случаях демократических провалов — их

следует рассматривать как строго временные. Однако такие трансформации элиты происходят редко... Мы демонстрируем, что связь между разобщенностью элиты и нестабильностью режима была более распространенной и устойчивой в исторических и современных национальных государствах, чем это обычно признается» [19, p. 245–246].

Выводы Хигли и Бертона в определенном смысле коррелируют с некоторыми постулатами «позитивной политической теории», которая весьма активно развивается в западной политической мысли с начала XXI в. Позитивная политическая теория, в узком понимании, эквивалентна тем разделам теории рационального выбора, которые применяются для исследования политики. В более широком понимании, она может относиться к гораздо более пространному спектру аналитических подходов. Ее границы «устанавливаются двумя известными контрастами: позитивное, или то, что есть, противопоставляется нормативному, или тому, что должно быть; а теория, в смысле абстракции и объяснения, противопоставляется подробным описаниям частных случаев... Немногие из ее многочисленных выводов, возможно, представляют большой интерес для политических теоретиков, но методы и общий подход такого “поведенческого” исследования — это другой вопрос. И в последнее время некоторые из их наиболее важных приложений были связаны с масштабными утверждениями о причинах и следствиях демократии» [12, p. 57].

«Статистика споров» внутри позитивной политической теории свидетельствует о том, что в последние годы одной из ее наиболее чувствительных «болевых точек» становится «гипотеза демократического мира» (The Democratic Peace Hypothesis). Главный постулат, лежащий в основе этой гипотезы, состоит в том, что «либеральные демократии редко или никогда не воевали друг с другом. Но можем ли мы сказать, что демократия является причиной мира или достаточным условием для него? Гипотеза демократического мира, по сути, является утверждением, что войны происходили и могут происходить только между автократиями или между демократиями и автократиями. Если бы все страны были демократиями, войн бы не было» [12, p. 58]. По мнению Гуго Дональда Форбса, независимо от того, правда это или ложь, такой подход не может не влиять на принятие политических

решений на самом высоком уровне. Поэтому и теоретически, и практически представляется важным определить, правда это или ложь на самом деле. Иными словами, как считают многие специалисты (Д. Гова и др.) эта гипотеза не является универсальной, но может рассматриваться «лишь как статистическое правило в определенных обстоятельствах, как побочный продукт определенной структуры альянсов». Другие недавние исследования выдвинули схожую критику, предполагая, что общие «культурные переменные» (сходство интересов и мировоззрения) важнее «структурных переменных» (формы правления) при объяснении отношений между государствами. Спорные гипотезы иногда можно защитить, объединив их с другими в более сложную теорию. «Каждая гипотеза в отдельности может быть уязвима для разрушительных возражений, но в сочетании с другими она может стать частью гораздо более прочной сети убеждений. Эта возможность прекрасно проиллюстрирована недавними обсуждениями практически очень важного возражения против гипотезы демократического мира. Зрелые демократии могут не вести войны друг с другом, и у них могут быть надежные способы разрешения внутренних конфликтов, но как насчет стран, находящихся в процессе перехода к более демократической форме правления? Крах авторитарной власти может означать конец соглашений о разделении власти между этническими или национальными соперниками. Более того, угроза правления большинства может дать традиционным авторитарным элитам мотив для разжигания этнической или национальной розни, чтобы заблокировать дальнейшую демократизацию. Таким образом, демократизация в контексте этнического разнообразия и латентных этнических конфликтов может привести не к миру, а к гражданской и международной войне. Примеры, которые, кажется, соответствуют этой модели, легко приходят на ум, но иллюстрируют ли они общее правило?» [12, р. 58].

Обозначенные Г.Д. Форбсом противоречия и теоретические сомнения в отношении гипотезы демократического мира вызваны по большей части острой дискуссией, развернувшейся вокруг работ американского политолога Джека Льюиса Снайдера, в которых данная гипотеза была подвергнута настолько бескомпромиссной критике, что споры не утихают вплоть до наших дней. Первоначально главным

объектом дискуссии стала ранняя работа Снайдера «От голосования к насилию: демократизация и националистический конфликт» (2000), исходным пунктом которой стал следующий тезис: «Националистические конфликты возникают как побочный продукт усилий элиты убедить людей принять разъединяющие националистические идеи» [26, р. 32]. В своей рецензии на книгу Снайдера, написанной буквально «по горячим следам», Стивен Дитс отмечал, что автор «не просто бросает вызов ортодоксальному представлению о либеральной демократии как о панацее от этнических конфликтов, но и политические рекомендации, которые он дает по результатам своего исследования, прямо противоречат рекомендациям многих западных правительств и международных организаций, особенно тех, которые занимаются правами человека... <...> Явно укоренившись в конструктивистских теориях национализма, Снайдер рассматривает национализм как реакцию на модернизм и социальные изменения. Поскольку демократизация, безусловно, включает в себя социальные изменения, Снайдер считает, что элиты в демократизирующихся государствах часто используют национализм для повышения легитимности режима и своей собственной власти... Великая сила книги “От голосования к насилию” заключается в напоминании ученым и политикам, что демократизация — это беспорядочный процесс, и демократическая консолидация должна быть достигнута быстро. Конечно, элиты обращаются к националистической риторике в поисках общественной поддержки, но это свойственно не только демократизирующимся государствам. Однако даже в демократизирующихся государствах общественность часто не хочет того, что эти элиты пытаются ей продать» [5, р. 352, 354–355].

Основной довод Снайдера заключается в том, что «традиционные автократические элиты, столкнувшись с ситуацией, когда распространение демократии начинает угрожать их власти, создают “эксклюзивнистские” этнические националистические режимы. Защищая свои собственные интересы, они вполне “рациональным” образом провоцируют националистические конфликты. Заявляя, что они правят от имени “находящегося под угрозой народа”, они избегают необходимости передавать реальную политическую власть рядовому гражданину» [12, р. 59].

На наш взгляд, в наиболее развернутом виде данные аргументы развиваются в опубликованной пять лет спустя совместной работе Э.Д. Мансфилда и Дж. Снайдера «Выбор борьбы: почему рождающиеся демократии отправляются воевать», в которой теоретические доводы повсеместно подкреплялись соответствующими историческими примерами. «Ни одна зрелая демократия, — отмечают Мансфилд и Снайдер, — никогда не вела войну друг против друга. Следовательно, общепринятая мудрость гласит, что содействие распространению демократии будет способствовать миру и безопасности во всем мире... Однако в краткосрочной перспективе начальные этапы перехода к демократии часто приводят к войне, а не к миру. После окончания холодной войны эта причинно-следственная связь между демократизацией и войной стала особенно яркой, но фундаментальная модель так же стара, как и сама демократия, и восходит по крайней мере к Французской революции. Не все демократические транзиты опасны. Вероятность войны возникает в основном в тех переходных государствах, где отсутствуют сильные политические институты, необходимые для функционирования демократии (такие как эффективное государство, верховенство закона, организованные партии, соревнующиеся на честных выборах, и профессиональные средства массовой информации). Когда эти институты отсутствуют или слабы, у политиков есть стимул прибегать к агрессивным националистическим призывам, называя своих оппонентов врагами нации, чтобы одержать победу в предвыборной борьбе. В демократизирующихся государствах национализм — это идеология, имеющая огромную привлекательность для элит, чьи привилегии находятся под угрозой. Его можно использовать для убеждения недавно наделенных полномочиями избирателей в том, что раскол между привилегированными и массами не имеет значения по сравнению с расколами, разделяющими нации, этнические группы или расы. Национализм утверждает, что народ в целом имеет право на самоуправление, но он необязательно обещает, что правительство должно быть строго подотчетно рядовому избирателю посредством демократических процессов, регулируемых верховенством закона. Националистическая риторика требует правительства для народа, но необязательно самого народа (by the people)» [24, р. 1–2].

Мансфилд и Снайдер утверждают, что борьба за национальное самоопределение происходит, когда судьба как элит, так и массовых групп меняется. Элиты, оставшиеся от старого режима, отчаянно ищут стратегии, которые предотвратят их падение, в то время как восходящие элиты пытаются вмешаться, и обе борются за союзников среди недавно пробудившихся масс. Элиты часто пытаются решить политические дилеммы, прибегая к национализму, доктрине, «согласно которой особый (*distinctive*) народ заслуживает автономии в государстве, которое защищает и продвигает его особые культурные или политические интересы». Национализм помогает элитам мобилизовать поддержку масс на основе чувств, а не искать их лояльности, предоставляя «отзывчивые институты», защищающие его интересы. «Национализм также помогает дать точное определение народа, осуществляющего самоопределение. Таким образом, он проясняет границы между “народом” и его внешними врагами, становящимися козлами отпущения в рамках самореализующейся стратегии, которая мобилизует поддержку для защиты от внешних угроз». Национализм привлекателен для восходящих групп, использующих его как популистскую дубинку, которую можно применять против элит, «недостаточно ревностных в отстаивании интересов “нации” (т.е. “народа”»)). В то же время национализм может быть использован в качестве контртактики элитами — старыми и новыми, которые хотят обойти новые демократические ограничения своего правления. Заявляя, что они действуют от имени «народа», но не подчиняясь ему напрямую, эти элиты могут очернять своих оппонентов как «врагов нации», которые находятся в сговоре с внешними врагами, и таким образом оправдать ограничение политических и гражданских прав своих оппонентов. «Эта националистическая дубинка может быть особенно привлекательной для военных элит, экономических протекционистов или этнических предпринимателей. Почти повсеместное появление националистической идеологии на ранних этапах демократизации предполагает, что ее полезность на этом формирующем политическом этапе является общей и может быть адаптирована для использования практически любой потенциальной правящей группой» [24, p. 10].

В историческом плане «военные переходы к демократии» давно приобрели характер устойчивой традиции. С момента зарождения

современной массовой политики во времена Французской революции практически все великие державы стали воинственными и вели народные войны на ранних этапах своих демократических экспериментов. «Во Франции XVIII века народный патриотизм, высвобожденный революцией, поддерживал массовую армию, которая сражалась с предполагаемыми врагами революции по всей Европе. Эта трагедия, как выразился Карл Маркс, была повторена как фарс, когда Луи Наполеон, избранный президентом Франции в 1849 году, хвастался своими военными победами, чтобы удержать свою власть в конституционном, полуизбирательном (semi-electoral) режиме. Даже в условиях относительно безболезненного перехода Великобритании к демократии городской средний класс, получивший избирательные права в соответствии с Законом о реформе 1832 года, проявил энтузиазм, который подпитывал как политику торгового империализма Палмерстона, так и Крымскую войну. Более мучительный путь Германии к демократии послужил толчком к пяти агрессивным войнам между 1864 и 1939 гг. По мере того как монархическая Пруссия трансформировалась в демократизирующуюся Германскую империю, канцлер Отто фон Бисмарк создал военно-политический альянс между националистическим средним классом и милитаристскими элитами, воплощенный в политической системе, которая сочетала законодательный орган, избираемый всеобщим голосованием, и правительства, назначаемые кайзером. Ранняя фаза демократической политики Японии также была отмечена народным милитаризованным национализмом. Когда Великая депрессия поразила демократизирующуюся Японию в конце 1920-х гг., демократическая, фритредерская коалиция рабочих и капитала в ориентированных на экспорт потребительских отраслях вскоре была вытеснена империалистической коалицией, которую возглавляли военные и которая имела сильную электоральную поддержку. В Соединенных Штатах в 1830–1840-х гг. реформы Джексона, установившие массовую демократию путем сокращения ограничений избирательного права и расширения прямых выборов должностных лиц, совпали с ростом народной поддержки войны за приобретение рабовладельческими штатами территорий за счет Мексики» [24, р. 6–7].

Конечный вывод Мансфилда и Снайдера заключается в том, что, хотя процесс демократизации имеет тенденцию увеличивать риск войны, многие страны проходят через этот процесс мирно. В 1980-х и 1990-х годах многочисленные государства консолидировали свои демократические переходы довольно успешно с небольшим внешним или внутренним насилием, если таковое вообще имелось. «Эти счастливые случаи включали многие страны в южном конусе Южной Америки, в северо-восточной Европе и в Восточной Азии. Южная Африка также, несмотря на некоторое внутреннее насилие, пережила достаточно плавный переход... В большинстве этих государств влиятельные элиты не чувствовали угрозы в связи с успешным переходом к демократии, отчасти потому, что надежные государственные институты давали надежные гарантии того, что элитам будет обеспечен мягкий переход. Поэтому они были менее склонны оказывать сопротивление переменам. Там, где при таких условиях быстро возникали сильные демократические институты, демократия довольно легко консолидировалась и переход был в основном мирным, как в Бразилии, Чили, Венгрии и Польше. Там, где имела институциональная основа, переходы были мирными даже в геополитически сложных случаях, когда неразрешенные национальные разделы (partitions) повышали риск войны, как в Южной Корее и Тайване. Напротив, там, где институты, необходимые для демократии, были слабыми, а демократизация оставалась незавершенной, война была более вероятной, как в Эфиопии, Пакистане и Перу» [24, р. 8].

В заключительной части работы Мансфилд и Снайдер специально отмечают, что некоторые страны настолько богаты социальным капиталом или настолько хорошо наделены соответствующими политическими институтами, что могут плавно перейти от автократии к консолидированной демократии, как это сделали Польша и Венгрия после падения коммунизма. «Однако там, где это невозможно, остаются вопросы о скорости перехода к демократии. А именно каковы последствия постепенных переходов для консолидации и мира, и каков наилучший путь к этим благоприятным результатам? Дитрих Рюшемайер, Эвелин Хубер Стивенз и Джон Д. Стивенз утверждают, что соглашения, направленные на защиту элиты, способствовали постепенной консолидации демократии в Южной Америке, например,

в Бразилии и Чили. Принимая во внимание различные формы демократии переходного типа, они утверждают, что “ограниченная демократия”, которая накладывает различные виды ограничений на демократическое участие или полномочия, является особенно стабильной. По их мнению, ограниченная демократия, использующая то, что Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер называют “пактами”, функционирует хорошо, когда она основана на правоцентристской коалиции между средним классом и старыми правящими элитами с одной или двумя сильными партиями, по крайней мере, одна из которых защищает интересы элиты» [24, р. 270]. Этому способствуют также низкий уровень участия военных в политике и рабочий класс, организованный для выражения своих интересов, но не для борьбы за власть. «Таким образом, типичная контрреволюционная националистическая коалиция может быть сформирована без разыгрывания националистической карты воинственным образом. В конце концов, страна может стать достаточно богатой и институционально развитой, чтобы демократизация стала гладким и упорядоченным процессом, как на Тайване и в Южной Корее. Эта стратегия иногда может быть эффективной в консолидации демократии. Поскольку она защищает интересы элит, она отодвигает на задний план их побуждения подвергать риску собственное возрождение, прибегая к националистическому насилию» [24, р. 270].

Следует также отметить, что в поздней книге Дж. Снайдера «Права человека для прагматиков: социальная власть в современную эпоху» (2022) некоторые обобщающие выводы приобретают откровенно этический характер и выглядят как своеобразный «моральный комментарий» к поведению либеральных и нелиберальных элит, обладающих непробиваемым «корпоративным иммунитетом» в отношении любых критических оценок: «Но как насчет того, чтобы пристыдить элиты? В конце концов, основная тенденция движения за права человека и либеральной идеологии прав в целом предпочитает исходить из того, что источником большинства нарушений прав являются могущественные элиты, особенно репрессивное государство. Даже когда насилие является широко распространенной культурной практикой, например детский труд или ранние браки, правозащитные организации предпочитают стыдить государственные органы за то, что

они не предпринимают достаточных мер для пресечения этой практики. Возможно ли пристыдить закоренелую элиту, не опасаясь вызвать невротическую реакцию? Некоторые социальные психологи утверждают, что элиты, как правило, слишком хорошо изолированы, чтобы их можно было эффективно пристыдить. Политики психологически “закалены” против критики, которая для них обычно является просто рутинной. Консультанты по связям с общественностью и специалисты по стратегиям корпоративного имиджа защищают экономические элиты. Последние окутаны коконом идеологии свободного рынка, согласно которому невидимая рука определяет их политику в отношении труда и окружающей среды» [27, р. 206].

Аналитика Снайдера, на наш взгляд, в специфическом плане соприкасается с так называемой «минималистской концепцией демократии». Ее возникновение во многом связано с гипотезой, обоснованной в середине XX в. Кеннетом Эрроу. Согласно этой гипотезе, «не существует способа преобразовать выражение индивидуальных предпочтений в рациональное коллективное решение, которое могло бы правдоподобно претендовать на то, чтобы представлять волю народа... Приняв данное положение за основу, многие пришли к выводу, что сама идея народной воли или общего блага бессмысленна или “пуста”. Отсюда развился ряд минималистских взглядов, которые сохранили концепцию демократического процесса, основанную на агрегированном взгляде, и в то же время отказались от идеи, согласно которой коллективное решение должно представлять общее благо. Одной из таких точек зрения является “мэдисонианская” точка зрения, предложенная Уильямом Райкером. Райкер считает, что демократические выборы существуют исключительно для целей “сдерживания чиновников” и предоставления людям возможности “избавиться от правителей”, которые их “обидели”. Таким образом, по мнению Райкера, демократия — это “не народное правление, а скорее прерывистое, иногда случайное, даже извращенное народное вето”» [29, р. 610].

На уровне нормативной политической теории попытка преодоления обозначенных выше философских проблем и моральных дилемм довольно рельефно представлена в ряде работ Патрика Денина — одного из наиболее ярких представителей современного американского

консерватизма. Исходным моментом инициированной им дискуссии являются все те же опасения относительно нарастания «нео-олигархических тенденций» в современных западных демократиях, которые уже упоминались выше в связи с анализом работы А. Феррара «Демократический горизонт: гиперплюрализм и обновление политического либерализма». В своей новейшей книге «Смена режима» П. Денин, в частности, отмечает: «Предупреждения об олигархии и правлении толпы ежедневно появляются на первых полосах газет по всей стране, а также по всему Западу. Растущий хор голосов размышляет о вероятности и даже желательности гражданской войны, в то время как другие открыто призывают к навязыванию грубой силы одним классом для подавления политических амбиций противостоящего им класса... То, что мы наблюдаем в Америке, — это режим, который исчерпал себя. Либерализм не только потерпел неудачу... но его двойное принятие экономического и социального “прогресса” породило особенно опасную форму того древнего разделения, которое противопоставляет “немногих” “многим”» [6, р. 6].

В своей более ранней работе «Почему либерализм потерпел неудачу» основным источником «олигархического перерождения» американский философ называет современное либеральное государство: «Почти все обещания, данные архитекторами и создателями либерализма, разлетелись вдребезги. Либеральное государство расширяется, чтобы контролировать практически все аспекты жизни, в то время как граждане считают правительство далекой и неконтролируемой силой, которая лишь усиливает их чувство бессилия, неустанно продвигая проект “глобализации”. Единственные права, которые сегодня кажутся надежными, принадлежат тем, у кого достаточно богатства и положения, чтобы их защищать, а их автономия, включая права собственности, избирательное право и сопутствующий ему контроль над представительными институтами, религиозную свободу, свободу слова и безопасность документов и жилища, все больше подрывается юридическими реалиями или технологическими *fait accompli*. Экономика *благоприятствует* новой “меритократии”, увековечивающей свои преимущества посредством *преимущества поколений*, подкрепленной образовательной системой, которая неустанно отсеивает победителей от проигравших (курсив мой. — В.Г.). Растущая дистанция между

заявлениями либерализма и его действительностью все больше подстегивает сомнения относительно этих заявлений, а не порождает веру в то, что разрыв будет сокращен. *Либерализм потерпел неудачу — не потому, что он не оправдал ожиданий, а потому, что он был верен себе. Он потерпел неудачу, потому что он преуспел* (курсив мой. — В.Г.). По мере того как либерализм “становился все более самим собой”, по мере того как его внутренняя логика становилась все более очевидной, а его внутренние противоречия — прозрачными, он порождал патологии, которые, будучи деформациями его претензий, тем не менее одновременно являются реализациями либеральной идеологии» [7, p. 2–3] (см. также: [6, p. 12, 13 *passim*]).

В качестве основной причины обозначенных выше патологий Денин выделяет весьма специфическую политику новых либеральных элит: «Вера в то, что политический мир может быть достигнут только посредством прогресса, требовала, чтобы эффективный контроль над политическим порядком был зарезервирован за либеральными элитами как справа, так и слева, которые могли бы обеспечить себе блага прогресса — экономического или социального» [6, p. 7].

По мнению американского политического теоретика, современная элита — совершенно новое явление в истории человечества. В то время как в каждом известном человеческом обществе всегда был правящий элемент, природа современной элиты возникает из совершенно новых обстоятельств — кульминационной реализации либерализма. Четыре аспекта отличают новый правящий класс от других «честолюбивых претендентов», которые предшествовали его возвышению.

Во-первых, эта элита является «управленческой», обладая определенным набором взаимозаменяемых навыков, которые равнозначны другим формам разграничения статуса, таким как унаследованный ранг, собственность или богатство. Она сочетает в себе, в частности, классический либеральный акцент на экономической производительности с прогрессивной либеральной валоризацией технократии. Хотя члены этой элиты предпочитают сражаться друг с другом «по либеральной оси», отличающейся большей приверженностью либо экономическому либо социальному либерализму, как класс они, по сути, выступают против основных ценностей, не стремящихся

к членству в этом классе людей, особенно против более стабильного и «управляемого» демоса.

Во-вторых, поскольку этот класс возник именно в противовес наследственному статусу, характерному для старой аристократии, он яростно выступает как против принципа иерархии, так и против наследования статуса. И все же, хотя эта элита и возникает благодаря другому набору характеристик, свойственных управленческой технократии, ее статус быстро овеществляется в форме передающейся по наследству иерархии. Вместо того, чтобы мучиться из-за этого противоречия, новая элита прибегает в лучшем случае к своекорыстному самообману или, в худшем случае, к намеренному сокрытию информации относительно своего статуса, который достигается за счет перспектив процветания среди тех, кто не является членами управленческого класса. Самообман или крайне ложное представление о себе достигаются, в частности, посредством акцентирования своего эгалитаризма посредством проведения «политики идентичности», наиболее громко артикулируемой в элитных институтах, в которых этот класс формируется и аккредитуется.

В-третьих, постоянно прибегая к «политике идентичности», современный правящий класс использует власть не в традиционной прямолинейной манере, «а посредством обращения к вооруженной форме “принципа вреда” Джона Стюарта Милля, в котором неуважение к идентичности используется в качестве агрессивного инструмента контроля и господства». В частности, посредством заявлений о преследованиях со стороны тех, кто занимает (или готовится занять) позиции, связанные с властью и влиянием, правящая элита стремится ограничить и даже подавлять или искоренять остатки традиционных верований и практик тех, кто целенаправленно формирует мировоззрение рабочего класса, — утверждая, что эти взгляды принадлежат угнетателям. Наглядные «средства защиты», такие как предупредительные заявления «о чрезвычайной ситуации» и осуждение «небезопасных» условий, на самом деле используются в качестве оружия для установления контроля над низшим классом. То, что часто воспринимается как *полное несоответствие* свободе мысли и идей в либерализме, на самом деле является его кульминацией — конечной целью либерального «принципа вреда», направленной на сохранение статуса правящего класса.

И наконец, основным средством, с помощью которого современная элита осуществляет контроль, является не осуществление государственной и публичной власти, а «частные» или полуприватистские структуры, такие как университеты, корпорации, средства массовой информации и артистические центры власти, такие как Голливуд. Ее политическая власть в значительной степени заложена в бюрократии и квазигосударственных институтах, что делает ее менее доступной для контроля со стороны избирателей или народа, т.е. практически свободной от открытых и публичных ограничений, которые гораздо легче навязываются теми же частными и полуприватистскими образованиями. При необходимости эта власть используется против законного демократического управления и прославляется как триумф прогресса. Иногда ее называют «пробудившимся капиталом», она отражает «управленческую» и либеральную природу сегодняшней элиты, предпочитающей скрывать свою власть и статус, используя неправомерные формы контроля. Такое осуществление власти лучше всего понимать как навязывание определенного набора ценностей и обязательств, которые в конечном итоге улучшают положение и статус правящего класса, но в соответствии с изначальным недоверием либерализма к репрессивному правительству это все чаще происходит под эгидой негосударственных институтов, находящихся вне и за пределами контроля якобы правящей общественности [6, р. 27–28].

Последняя определяющая черта этой новой элиты — почти полное отделение нового класса от низших и трудящихся классов. Образовательное и географическое разделение — яркая черта нового правящего класса, поскольку образование обеспечивает как экономические средства, так и психическую способность ориентироваться в высоких издержках и нестабильности отношений в современных городских условиях. Рабочий класс, напротив, часто полагается на более тесную сеть связей в своих родных сообществах и предпочитает ее, считая для себя затруднительным, даже невыносимым, стремиться к экономическому преимуществу в других местах. Таким образом, сегодняшняя элита особенно определяется «беззаботным фактом», который в противном случае был бы источником глубокой обеспокоенности для каждой предыдущей элиты: «почти полным

отсутствием серьезных размышлений о ее отношениях с низшими и рабочими классами». Это не означает отсутствие декларативной приверженности бедным и угнетенным, что является видимой и нарочитой чертой новой элиты. Скорее «ей поразительно не хватает серьезного размышления о проблеме жизнеспособности режима, о том, как избавляться, примирять, смягчать или преодолевать разделение между многими и немногими». Самонадеянность современной элиты, особенно пропагандируемая в ее образовательных учреждениях, «заключается в том, что единственный реальный ответ на разделение между многими и немногими — это эффективное превращение “многих” в “немногих”, т.е. уравнивание посредством значимого перераспределения *управленческого статуса* для каждого человека» [6, р. 33–34].

В конечном итоге, отмечает Денин, «мы являемся свидетелями возникновения извращенного сочетания новых и старых форм тирании: не грубое навязывание власти немногих, приводящее к несчастью многих, и не мягкий деспотизм патерналистского государства, удерживающего своих граждан в состоянии перманентной инфантильности, а принудительное навязывание радикального экспрессивизма населению со стороны правящей элиты. В брачном союзе классического и прогрессивного либерализма принудительное безразличие к взглядам других становится обязательным прославлением индивидуального экспрессивизма, окончательным слиянием антикультурного, революционного потребительского выбора как базовой человеческой философии. Нечестивый союз прогрессивного государства и либертарианского рынка сегодня навязывает принятие капиталистического потребительского выбора во всех аспектах жизни, радикальный индивидуализм и экспрессивизм как маркер человеческого освобождения и постоянный революционный этос, который расстраивает и дестабилизирует перспективы порядка и стабильности, особенно среди трудящихся классов» [6, р. 49].

На наш взгляд, представленный в работах П. Денина анализ эволюции западных элит при всей его теоретической глубине и реалистичности также включает в себя довольно ярко выраженные моменты «этического экспрессивизма», истоки которого восходят к утопиям раннего европейского модерна и в различной степени

постоянно присутствующие в многообразных современных политических проектах, имеющих различную идеологическую направленность. В «проекте» самого Денина, намеченном исключительно в общих чертах, элементы классической политико-философской концепции «смешанной конституции» причудливо соединяются с футурологическими прогнозами, отмеченными стремлением к «консервативному синтезу». В частности, отвечая на вопрос, как примирить «немногих» и «многих», «один из старейших вопросов западной философской традиции», П. Денин утверждает: «Ответ, изобретенный такими разными мыслителями, как Аристотель, Цицерон, Полибий, Фома Аквинский, Макиавелли и Алексис де Токвиль, состоял в идее “смешанного режима” — смешения двух классов. Согласно этому толкованию, целью было достижение некоего баланса и равновесия между двумя классами, а хороший политический порядок — это тот, который обеспечивает некую стабильность и преемственность в течение длительного периода времени и обеспечивает “общее благо”, широко распространенную перспективу человеческого процветания независимо от классового статуса. Классическое решение было отвергнуто архитекторами либерализма, которые считали, что этот, казалось бы, постоянный политический раскол может быть преодолен с помощью достижений “новой науки о политике”... Либеральный страх перед демосом привел к политическому порядку, который в своей основе был нацелен на господство более прогрессивных элит над угрожающим демосом и на протяжении всей американской истории был впечатляюще эффективен в предотвращении возникновения подлинно популистской партии. Идеал “смешанного режима” или “смешанной конституции”... был заменен созданием новой и укоренившейся либеральной элиты, ориентированной на прогресс, которая сегодня все чаще рассматривает демос как угрозу своему проекту — как в экономическом, так и в социальном плане... <...> Поразительно, но сопротивление этой новой тирании в основном исходит от рабочего класса, особенно тех, чья работа, в отличие от “класса ноутбуков”, как правило, осязаема и материальна и кто склонен рассматривать мир не как неизменные стартовые площадки, а, скорее, как один из унаследованных домов. Это столкновение происходит не между двумя партиями либерализма, а между широкой

партией прогресса и широкой партией консерватизма. Партия прогресса — как партия, определяемая своей приверженностью правлению просвещенных элит против угроз, исходящих от “многих”, — сегодня стремится к прямому политическому, культурному, экономическому и социальному подавлению своей оппозиции. *С точки зрения зарождающейся партии консерватизма, ответ заключается не в устранении элиты (как когда-то представлял себе Маркс), а в ее замене лучшим набором элит* (курсив мой. — В.Г.). Наиболее необходимым является выравнивание элиты и народа, а не доминирование одного над другим. Для этого необходимо возрождение старой и забытой, но лучшей формы консерватизма — той, которая стремится к взаимному улучшению как элиты, так и народа» [6, р. 6–7, 49].

Развиваемая П. Дениным идея «нового исторического компромисса» между элитой и народом явно опровергает давний известный тезис Станли Кларка и Эвана Симпсона, согласно которому «перфекционистские и утопические чаяния не фигурируют в современном моральном консерватизме» [4, р. 16] (ср.: [23, р. 6]). Вместе с тем, как это ни парадоксально, на наших глазах формируется новая консервативная версия демократизации, которая, на наш взгляд, в будущем может оказаться вполне способной выдержать конкуренцию со многими, давно отдающими рутиной версиями, сложившимися в западной «транзитологии».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуторов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (812) 363–60–00 доб. 6171. **Электронная почта:** gut–50@mail.ru.

Research Article

VLADIMIR A. GUTOROV^{1, 2}

¹ St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya emb., 199034, St. Petersburg, Russia;

² Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS

5, korpuz 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russia.

ON SOME CURRENT PROBLEMS OF ELITES INTERPRETATION IN MODERN POLITICAL THEORY¹

Abstract. The study of the phenomenon of political elites in political theory has many dimensions. In its modern form, the conceptual foundations for interpreting elites were formulated more than a century ago in the works of V. Pareto, G. Mosca and R. Michels, imbued with unprecedented realism and a desire to apply scientific methods to the study of politics. Elite analytics, which has evolved over the centuries under the influence of a wide variety of determining factors, has nevertheless always maintained a connection with classical paradigms that go back to the political philosophy of early modernity, which, in turn, was closely linked to the tradition of ancient political philosophy — from Pythagoras and the early sophists to Plato and Aristotle. In this regard, virtually all the latest interpretations, one way or another, include — spontaneously or deliberately — some “traditionalist” element. The initial premise is the obvious statement that all societies are governed by elites and each society has certain means of creating its elites. An analysis of the latter suggests the need to establish clear distinctions between societies that have mechanisms for creating elites and societies that do not create institutional conditions for their formation. In modern political science, the analysis of problems related to the political status and ambitions of elites is quite often carried out within the framework of the dichotomy “elite theory versus theory of democracy”. At the same time, democratic theory and elite theory in their current state cannot by definition be considered as purely scientific or “descriptive”, since at any stage of their evolution they organically included a number of elements characteristic of normative political theory. Many scholars openly acknowledge that the concept of the elite is fraught with problems, and the unpredictable nature of elite choice can become an obstacle to theoretical progress (D. Higley, M. Burton, etc.). Such conclusions in a certain sense correlate with some postulates of the “positive political theory”, which has been actively developing in Western political thought since the beginning of the 21st century. “Statistics of disputes” within the positive political theory indicate that in recent years one of its most sensitive “pain points” has become the “hypothesis of democratic peace”. The central assumption underlying this hypothesis is that liberal democracies have rarely or never fought each other: wars have occurred and can occur only between autocracies or between democracies and autocracies. Many of the controversies and theoretical doubts regarding the

¹ The work was carried out within the framework of the State Assignment of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2024 on the topic “Liberalism and Conservatism in the Political-Theoretical Dimension: Historical Tradition and Modern Evolutionary Trends” (Reg. number EGISU NIOKTR 124082300044–4) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

democratic peace hypothesis are largely due to the heated debate that unfolded around the works of the American political scientist J.L. Snyder, in which this hypothesis was subjected to uncompromising criticism. Snyder's main argument is that traditional autocratic elites, faced with a situation in which the spread of democracy begins to threaten their power, create "exclusionist" ethnic nationalist regimes. In order to protect their own interests, they provoke nationalist conflicts in a completely "rational" way. Snyder's analysis also has specific links with the so-called "minimalist concept of democracy." Its emergence is largely associated with the hypothesis substantiated in the mid-20th century by Kenneth Arrow. At the level of normative political theory, an attempt to overcome the above-mentioned philosophical problems and moral dilemmas is quite vividly presented in the works of Patrick Deneen, one of the most prominent representatives of modern American conservatism. The starting point of the discussion he initiated is the same concerns about the growth of "neo-oligarchic tendencies" in modern Western democracies. In Deneen's own "project", outlined only in general terms, elements of the classical political-philosophical concept of a "mixed constitution" are bizarrely combined with futurological forecasts marked by the striving for a "conservative synthesis".

Keywords: elites, political theory, democracy, oligarchy, autocracy, liberalism, conservatism, nationalism, ethnic conflicts.

For citation: Gutorov, V.A. On Some Current Problems of Elites Interpretation in Modern Political Theory. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 7–34. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.1>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Gutorov — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University; Leading Research Fellow, FCTAS RAS. **Phone:** +7 (812) 363–60–00 add 6171. **E-mail:** gut-50@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ball T. History and the Interpretation of Texts. *Handbook of Political Theory*. Ed. by G.F. Gaus, Ch. Kukathas. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2004. P. 18–30. <https://doi.org/10.4135/9781848608139.n2>
2. Brennan G., Lomasky L. Toward a Democratic Morality. *Democracy*. Ed. by D. Estlund. Malden, Massachusetts; Oxford: Blackwell Publishers, 2002. P. 237–266.
3. Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations. *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11. No. 2. P. 181–199. <https://doi.org/10.1080/713674040>

4. Clarke S.G., Simpson E. Introduction. *Anti-Theory in Ethics and Moral Conservatism*. Ed. by St.G. Clarke, E. Simpson. Albany: State University of New York Press, 1989. P. 1–28.
5. Deets S. Jack Snyder, From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. New York: W. W. Norton & Company, 2000. 320 pp. *Nationalities Papers*. 2001. Vol. 29. No. 2. P. 352–355. <https://doi.org/10.1017/S0090599200019760>
6. Deneen P.J. *Regime Change: Toward a Postliberal Future*. New York: Sentinel, 2023. 288 p.
7. Deneen P.J. *Why Liberalism Failed*. New Haven; London: Yale University Press, 2018. 225 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc5pcmt>
8. Estlund D.M. *Democratic Authority: A Philosophical Framework*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007. 309 p.
9. Ferrara A. *The Democratic Horizon: Hyperpluralism and the Renewal of Political Liberalism*. New York: Cambridge University Press, 2014. 257 p.
10. Ferrara A., Ivkovic M., Lončar J., Prodanovic S., Simeunovic B. Liberalism between Politics and Epistemology: A Discussion of Alessandro Ferrara's The Democratic Horizon: Hyperpluralism and the Renewal of Political Liberalism. *Political Studies Review*. 2016. Vol. 15. No. 3. P. 1–23. <https://doi.org/10.1177/1478929916645359>
11. Field G.L., Higley J. *Elitism*. London; New York: Routledge, 2013. 149 p. <https://doi.org/10.4324/9780203070659>
12. Forbes H.D. Positive Political Theory. *Handbook of Political Theory*. Ed. by G.F. Gaus, Ch. Kukathas. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2004. P. 57–72. <https://doi.org/10.4135/9781848608139.n5>
13. Gaus G.F. *Contemporary Theories of Liberalism: Public Reason as a Post-Enlightenment*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2003. 240 p. <https://doi.org/10.4135/9781446218754>
14. Higley J. Democratic Elitism and Western Political Thought. *Comparative Sociology*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 440–458. <https://doi.org/10.1163/156913309X447611>
15. Higley J. Elite Trust and the Populist Threat to Stable Democracy. *American Behavioral Scientist*. 2020. Vol. 64. No. 9. P. 1211–1218. <https://doi.org/10.1177/0002764220941215>
16. Higley J. *The Endangered West: Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World*. London; New York: Routledge, 2016. 228 p.
17. Higley J. *Western Elites and Societies in Twenty-First Century Politics: Avoiding Calamity*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2023. 99 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-52307-6>

18. Higley J., Best H. Democratic Elitism Reappraised. *Comparative Sociology*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 323–344. <https://doi.org/10.1163/156913309X447558>
19. Higley J., Burton M.G. The Elite Variable in Democratic Transitions and Break-downs (1989). *Historical Social Research*. 2012. Vol. 37. No. 1. P. 245–268. <https://doi.org/10.12759/hsr.37.2012.1.245-268>
20. Higley J., Pakulski J. Do Ruling Elites Degenerate? American and British Elites through Pareto's Lens. *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10. No. 6. P. 949–967. <https://doi.org/10.1163/156913311X607647>
21. Higley J., Pakulski J. Elite Transformation in Central and Eastern Europe. *Australian Journal of Political Science*. 1995. Vol. 30. No. 3. P. 415–435. <https://doi.org/10.1080/00323269508402348>
22. Higley J., Pakulski J. Revolution and Elite Transformation in Eastern Europe. *Australian Journal of Political Science*. 1992. Vol. 27. No. 1. P. 104–110. <https://doi.org/10.1080/00323269208402184>
23. *Keeping the Tablets: Modern American Conservative Thought*. Ed. by W.F. Buckley, Ch.R. Kesler. New York: Harper & Row Publishers, 1988. 469 p.
24. Mansfield E.D., Snyder J. *Electing to Fight: Why Emerging Democracies Go to War*. Cambridge, Massachusetts; London: MIT Press, 2005. 300 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/2660.001.0001>
25. *Political Elites in the Transatlantic Crisis*. Ed. by H. Best, J. Higley. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 188 p. <https://doi.org/10.1057/9781137345752>
26. Snyder J. *From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict*. New York: W. W. Norton & Company, 2000. 320 p.
27. Snyder J. *Human Rights for Pragmatists: Social Power in Modern Times*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2022. 310 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv25c4zgx>
28. Suleiman E.N. *Elites in French Society: The Politics of Survival*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1978. 299 p.
29. Talisse R.B. Democracy. *The Routledge Companion to Social and Political Philosophy*. Ed. by G.F. Gaus, F. D'Agostino. New York; London: Routledge, 2012. P. 608–617.
30. *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. 698 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7>
31. Volpe G. *Italian Elitism and the Reshaping of Democracy in the United States*. London; New York: Routledge, 2021. 194 p.
32. Whelan F.G. *Hume and Machiavelli: Political Realism and Liberal Thought*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Lexington Books, 2004. 416 p.